
ТЕОРИЯ

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ: УРОКИ ПРОШЛОГО ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО*

Иноземцев В. Л.**

В статье, написанной на основе одного из недавних докладов на международной конференции, автор оценивает роль современной глобализации в экономическом развитии отдельных регионов и государств, подчеркивая ее несомненно позитивное влияние как на ведущие, так и на догоняющие страны. Особое внимание уделяется политическому «самосознанию» экономики успешных периферийных обществ и стремлению их элит дополнить хозяйственные успехи повышением военного и геополитического веса своих государств. Обращаясь к истории предшествующей волны глобализации (1870–1914 гг.), автор отмечает, что военно-политические амбиции новых игроков стали основной предпосылкой конфронтации, приведшей к Первой мировой войне и обусловленной ею деглобализации. Проводя параллели между ситуацией конца XIX и начала XXI столетия, он приходит к выводу о том, что сегодня особенно опасны попытки новых экономических игроков (emerging markets) превратиться в новые центры силы (emerging powers). В статье утверждается, что оптимальной стратегией поведения крупных экономик является упрочение их военно-политического потенциала до уровня, исключающего агрессию со стороны других ведущих держав при воздержании от попыток оспорить их существующую иерархию. Оценивая потенциал устойчивости развитых и догоняющих экономик, автор приходит к выводу о критической важности сохранения Соединенных Штатов в их роли главного мотора современной глобализации и безрассудности попыток изменения сложившегося мирового порядка любыми неэкономическими методами.

Ключевые слова: глобализация, догоняющее развитие, великие державы, emerging markets, Первая мировая война, Соединенные Штаты Америки, Китай, Российская Федерация.

In the article based on his recent presentation at one of the international conferences the author evaluates the current impact of globalization on the economic development of different regions and nations with special attention to its definitely

* Статья подготовлена на основе выступления автора на секции «Экономическая глобализация и ее культурное измерение» Пятой ежегодной конференции Всемирного культурного форума (World Cultural Forum) в Пекине (КНР) 20 октября 2018 г.

** Иноземцев Владислав Леонидович – д. э. н., основатель и директор Центра исследований постиндустриального общества, член научного совета Российского совета по международным делам и международного редакционного совета журнала «Век глобализации». E-mail: slava_in@hotmail.com.

positive effect for both advanced and catching-up countries. He focuses on the political 'self-consciousness' of economically successful peripheral nations as well on their elites' desire to complement these economic achievements with increase in military and geopolitical 'weight' of corresponding states. Turning his attention to former 'waves' of globalization, first of all to the one that evolved between 1870 and 1914, the author argues that there were military and political ambitions of the newly emerged actors that became the major impulse to a confrontation which culminated in the World War I and in the massive 'de-globalization' that followed. Drawing parallels between the late 19th century and the early 21st one, he concludes that today the attempts of the emerging markets to turn into 'emerging powers' seem to be the most risky moves that one might record in international politics. The author suggests that the best strategy the growing economies may apply is to develop their military force and political influence up to a point which will make an attack by another great power impossible but to refrain from any attempt to challenge the existing global hierarchies. Overlooking the sources of growth of both developed and catching-up economies, he argues that preservation of the current role and international position of the United States as globalization's most potent engine is critically important and the attempts to change the existing world order by non-economic means seems to be reckless adventures able to wipe off all the gains achieved in recent decades.

Keywords: *globalization, catching-up development, great powers, emerging markets, World War I, the United States of America, People's Republic of China, the Russian Federation.*

Сегодня достаточно бросить беглый взгляд на первые страницы газет и журналов, чтобы убедиться: глобализация, которая всего двадцать лет назад повсеместно считалась доминирующим трендом, если и не вызывает единодушного разочарования, то подвергается атакам и нападкам со многих направлений. Закрытие границ в попытках бороться с нелегальными мигрантами [см., например: Salam 2018], введение таможенных барьеров для ограничения недобросовестной конкуренции [подробнее см.: Ghemawat 2017], распространение практики наложения экспортных и импортных санкций [наиболее подробно тема освещена в: Economic... 2015] – все это, а также многое другое заставляет усомниться в обнадеживающих перспективах глобализации. Не только политики, но и интеллектуалы вносят свой вклад в дискредитацию глобальных процессов, объявляя их главной причиной роста неравенства [см.: Stiglitz 2002; Firebaugh 2003; Milanovic 2005 *etc.*], источником разрушения «традиционных» нравственных устоев и средством, позволяющим богатым и успешным державам доминировать над мировой периферией и эксплуатировать ее [Chomsky 1999; Klein 2008 *etc.*].

Конечно, в этой критике много – я бы даже сказал, чересчур много – эмоций. Если присмотреться поближе, легко убедиться, что «возрождения протекционизма» как не было, так и нет. По состоянию на 2015 г. средний таможенный тариф для всех стран – членов ВТО находился на уровне в 7,45 %, причем он был в разы меньше у входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития успешных стран (2,24 %), чем, например, у государств Африки (11,1 %) (по данным Всемирного банка, см.: [Tariff... 2019]). Достаточно сравнить это с реалиями 1960-х гг., когда средний размер пошлин в США и Европе составлял

«всего» 10 % [Canto 1983–1984: 682], не говоря о конце XIX в., когда в Америке после принятия в 1897 г. Закона Дингли он составлял около 30 % [Dobson 1976: 18, fig. 2], чтобы не сомневаться в том, что мы живем в самую глобальную эпоху. Можно, лукавя, говорить, что в начале XX столетия международные миграции были масштабнее сегодняшних, но нельзя не видеть ни того, что в те времена они были ограничены практически исключительно Атлантическим регионом, ни того, что движение людей не было «маятниковым», в то время как сейчас мигранты практически никогда не теряют связей с родиной. Санкции можно критиковать, но не стоит забывать, что они гораздо мягче распространенных сто лет назад блокад или эмбарго, да и попадают под них товары и услуги, не составляющие и одного процента глобальных торговых потоков.

Иначе говоря, несмотря на все политизированные дебаты вокруг глобализации, процесс формирования все более единой мировой экономики отнюдь не остановился. Более того, именно масштаб идеологического сопротивления дает основание полагать, что он идет все активнее и затрагивает все более широкие массы людей поистине в самых отдаленных уголках планеты.

За последние двадцать лет мы не раз и не два слышали о потрясениях, якобы спровоцированных глобализацией – как и о том, что «мир уже не будет прежним», в чем нас убеждали после каждого из них. Однако на поверку все оказалось менее драматично, и фундаментальные тренды сохранялись неизменными. В разгар кризиса 1997 г. мало кто мог удержаться от утверждения, что Восточная Азия уже никогда не поднимется, но сегодня суммарная доля стран региона в глобальном ВВП почти в 2,5 раза больше, чем накануне азиатского кризиса¹ – в том числе и потому, что свободная торговля позволила им воспользоваться девальвацией своих валют для увеличения экспорта. В начале 2000-х гг. многие злорадно потирали руки, наблюдая за обрушением котировок технологических «пустышек», предвкусывая крах информационной экономики и возвышение индустриальных и сырьевых держав. Но в 2008 г. «Газпром» только на несколько недель превысил по своей капитализации *Microsoft*, а *PetroChina* в 2007-м стала первой в истории компанией-«триллионником» только на один день, в момент ее размещения на бирже²; 15 лет спустя *Amazon.com* стоит в 30 раз дороже, чем в 2003 г.³, не говоря уже о появившихся с тех пор *Facebook* и *Google*. Кто из альтерглобалистов не радовался, казалось бы, «окончательному краху» американской финансовой системы в 2008 г.! Но с тех пор недвижимость в США подорожала на 11–12 % по сравнению с докризисным уровнем цен, фондовый рынок вырос на 88 %, а вложения иностранцев в долларовые казначейские облигации – почти в 2,7 раза⁴. Как и в 1990-е гг., корпорации с максимальным проникновением за пределы национальных границ развиваются быстрее всего, ориентированные на завоевание новых

¹ Статистика по Южной Корее, Китаю, Гонконгу, Тайваню, Филиппинам, Индонезии, Малайзии и Таиланду, 1996 и 2017 гг., рассчитано по: [Ranking... 1996; GDP... 2019; List... 2019].

² См. относительно «Газпрома» и *Microsoft*: [Prices... 2008]; относительно *PetroChina*: [Watts, Wearden 2007].

³ Рассчитано по данным: [Amazon...].

⁴ Данные по рынку недвижимости приведены по *Case-Shiller Index* [S&P... 2019]; по фондовому рынку: [S&P500...]; по владению казначейскими облигациями: [Major... 2019].

рынков (а не на пресловутое «импортозамещение») страны оказываются особо успешными, а внутренняя сложность мировой экономики продолжает расти.

Экономика всегда предпочитает открытость замкнутости, а максимально широкие масштабы – любому виду ограничений, и поэтому никакой экономический кризис не способен положить конец глобализации. Традиционные циклы приводят лишь к естественному очищению экономики, и ни один из таковых не угрожает развитию единого всемирного хозяйственного организма.

Однако в мире существует не только экономика, но и политика, и если мы вспомним предшествующую историю, окажется, что именно она несла в себе основную угрозу для глобализации. Совсем недавно мир отметил столетие завершения Первой мировой войны, которая в свое время, согласно консенсусным оценкам, положила конец предыдущей волне глобализации, которая нарастала в мире начиная с 1870-х гг.⁵ Именно тот период часто считается золотым веком международной торговли, инвестиций и миграции; и действительно, сложно не заметить, насколько стремительно завязывались на рубеже XIX и XX вв. экономические связи между различными регионами и как быстро формировались контуры глобального хозяйства. Сегодня, как мне кажется, мир вступает в период, во многом схожий с излетом предшествующей глобализационной волны, – период, когда политические препятствия глобализации намного превосходят все порожденные экономикой вызовы, с которыми она только может столкнуться.

Сходство конца первой четверти XXI столетия и последних лет XIX в. определяется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, оба эти периода характеризовались появлением и быстрым подъемом новых экономических игроков. Более ста лет назад ими были Германия в Западной Европе, Соединенные Штаты в Северной Америке и Россия на Евразийском континенте; сегодня таковыми можно считать Китай, Турцию, Бразилию и, в значительно меньшей мере, Россию. С 1990-х гг. все эти страны обозначались как *emerging markets*, и их восхождение изменило мир ничуть не меньше, чем подъем Германии и США немногим более ста лет тому назад. За тридцать лет, с 1988 по 2017 г., ВВП Китая по ППС в отношении к США вырос приблизительно в той же пропорции (с 19,6 % до 109 %), как ВВП самих Соединенных Штатов по отношению к Великобритании между 1840 и 1913 гг. (с 42 % до 230 %)⁶. Безусловно, экономический рост Китая в последние годы не выглядит таким самодостаточным, каким был рост США на рубеже XIX и XX столетий (сегодня китайский экспорт достигает 18,5 % номинального ВВП, а в Америке в те времена показатель не поднимался выше 3,5 %)⁷, но это имеет не только позитивную сторону: гигантский новичок воспринимается остальными игроками с опаской, если выражаться наиболее мягко. Первая волна глобализации во многом иссякла вследствие неспособности Европы «переварить» Германию и Россию, и наивно

⁵ В зависимости от того, считают ли исследователи период Великих географических открытий и эпоху ранней европейской экспансии проявлением глобализации, эту волну называют второй [см.: Robertson 2003: 18–26] или первой [см.: Frank 2015: 34–37 или Nugent 1992: 9–11].

⁶ Показатели КНР и США – по данным Всемирного банка: [DataBank...]; по США и Великобритании см.: [Maddison 2007: 379, table A4].

⁷ См. данные по США за 1900 г.: [Amadeo 2019; International... 1962]; данные по Китаю за 2017 г.: [China GDP...; China: Export...].

предполагать, что возвышение того же Китая не вызовет в конечном счете более жесткой реакции западного мира (собственно говоря, как раз она и начинает проявляться сейчас в американской политике, см., например: [Holmes, Yoshihara 2017]).

Во-вторых, сегодня становится все более отчетливым и другой тренд: новые крупные игроки, во многом порожденные либеральной мировой экономикой, начинают активно оспаривать если не ее принципы (в 2017 г. Си Цзиньпин говорил о том, что Китай сам готов подхватить знамя свободной торговли, если США увлекутся протекционизмом [Full... 2017]), то статус прежних лидеров. Китай вышел на второе место по военным расходам и наращивает присутствие в Тихом океане; Россия провоцирует конфликты по своему периметру и стремится закрепиться на Ближнем Востоке; Турция намерена стать доминирующей державой всего мусульманского мира. Некоторые авторы сегодня прямо сравнивают Китай с Германией образца начала XX в., утверждая, что дальнейший рост его военного потенциала приведет к прямому столкновению с США, как усиление германского флота сделало неизбежным конфликт с Великобританией [подробнее см.: Luttwak 2012; Mead 2010; Nye 2014]. Совершенно неслучайно теории «конца истории», столь популярные в середине 1990-х гг. [подробнее см.: Fukuyama 1989; 1992], уже к середине 2000-х сменились идеями ее «возобновления» [Белл 2002] или «возвращения» [см.: Kagan 2008]. *Emerging markets*, чье появление не так давно приветствовал весь мир, пытаются доказать самим себе и всем остальным игрокам, что они являются также и *emerging powers*, а это уже не вызывает никакого энтузиазма. Успехи экономической глобализации рождают новые политические полюсы, а исторически именно этот процесс и нес в себе самую значимую угрозу становлению хозяйственно единого мира.

В-третьих, и сейчас в общемировом масштабе, и более ста лет назад в Европе новые возвышающиеся державы несли в себе мощный элемент политической архаичности. Германия и Россия в начале XX в. были монархиями с очень небольшими традициями политического представительства; при этом каждая из данных стран была империей, грезившей территориальным расширением. Сегодня три самых крупных ревизионистских силы в Евразии – Китай, Россия и Турция – практически одновременно переходят от несовершенных демократий, по сути, к пожизненному авторитарному правлению [см.: Buckley, Bradsher 2018; Turkey... 2017; Weir] и в то же время стремятся подвести под свои серьезные политические притязания отнюдь не глобальные идеологии. Все они не готовы удовлетворяться экономическими успехами, достигнутыми за счет использования возможностей, открываемых внешним миром, и стремятся достичь политического возвышения, хорошо помня те «унижения», которые им пришлось перенести от «коллективного Запада» в течение XX в. – от «демонтажа» Османской империи в 1910-е гг. и фактической потери Китаем независимости в 1930-е гг. до поражения в холодной войне в 1980-е гг. и распада Советского Союза, воспринимаемого нынешней отечественной элитой как «та же Россия, только называвшаяся по-другому» [Полный... 2011]. Экономика, которая в условиях глобализации должна была, как казалось, стать единственным определяющим социальное развитие инструментом, превращается в средство достижения политических целей.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Страны, которые в начале XX столетия превратились в новых лидеров – это относится и к Германии, и к США, – за полвека до этого практически вообще отсутствовали на экономической карте мира. Невероятно быстрые собственное развитие и интеграция в мировую экономику дополнили политические амбиции этих держав. Может показаться странным, но Китай и СССР те же полвека назад, в начале 1970-х гг., были наименее интегрированными в глобальную экономику государствами (китайский экспорт составлял 2,5 % ВВП, а советский – 3,1 % против 8,2 % у США, 15,2 % у ФРГ и 15,9 % – у Франции⁸; прямые иностранные инвестиции в их экономики отсутствовали как явление). Своего рода «кессонная болезнь» во многом обусловила возникновение как американского, так и германского империализма; однако если первый сублимировался в локальном конфликте с Испанией, при оккупации Кубы и Филиппин [см.: Hogganson 2016; Kinzer 2017], то второй в конечном счете вверг мир в войну планетарного масштаба. Сегодня, на мой взгляд, точно таким же недугом страдают как китайские, так и российские власти, что обуславливает схожие угрозы, чреватые военно-политическими конфликтами, масштаб которых чрезвычайно сложно предугадать.

При этом, однако, существует фундаментальное отличие глобализации конца XIX в. от глобализации начала XXI в., заключающееся в статусе и роли основного центра обоих этих процессов.

Прежняя волна глобализации характеризовалась тремя чертами: евроцентричностью, доминированием межгосударственных взаимодействий и принудительным характером вовлечения в процесс периферийных территорий. В то время европейские страны задавали жесткие политические стандарты (процесс мог, скорее, называться не глобализацией, а вестернизацией [подробнее см.: von Laue 1987; Latouche 1996]), но при этом провоцировали не столько развитие, сколько упадок периферии (если в конце 1830-х гг. на долю последней приходилось более 50 % мирового промышленного производства, то к 1913 г. этот показатель снизился до 7,5 % [см.: Baldwin, Martine 1999: 4]) и практически ничего не перенимали из остального мира. Основным способом поддержания глобальных связей были межгосударственные контакты, а крупные компании либо действовали от имени и в интересах правительств, либо только начинали выходить из их тени. Наконец, расширение границ «цивилизованного» мира осуществлялось через военный контроль над периферией – что, собственно, было отмечено в самом понятии империализма [см.: Hogganson 1902: 30–45; Ленин 1969: 387–389]. Экономические потребности в глобализации подталкивали правительства к действиям – но при этом сама хозяйственная глобализация, несомненно, следовала за политической, а не предшествовала ей.

Сегодня в каждом из этих аспектов мы наблюдаем прямо противоположную картину. Атлантический мир по-прежнему задает определенные стандарты – но, в отличие от ситуации столетней давности, никого не принуждает им следовать и распространяет по миру в лучшем случае свои технологии, но никак не своих представителей: миграции сегодня направлены не из центра на периферию, а в обратную сторону. Экономика стала намного более свободной от политиче-

⁸ Данные за 1970 г. по: [Exports...].

ского «прикрытия»: глобальные корпорации действуют безо всякой поддержки своих государств и часто превосходят по масштабам некоторые из тех стран, в которых им приходится работать; что особенно важно, многие критически значимые процессы – такие, например, как ценообразование на биржевые товары или движения на финансовых рынках – обусловлены никак не контролируруемыми государственными властями трендами, и поэтому глобальная экономика вовсе не является простой суммой национальных [Белл, Иноземцев 2007: 49]. И, разумеется, сейчас никто не пытается нести глобализацию силой оружия и контролировать ту или иную чужую территорию: экономическая эксплуатация стала гораздо эффективнее политической [Inosemzew, Lebedew 2016: 3], а любая страна, не желающая присоединяться к глобальным процессам, имеет все возможности им противостоять (достаточно посмотреть на Кубу или Северную Корею). Сегодня политика отстает от экономики в глобальных процессах, поэтому пресловутое «возвращение истории» выглядит в наше время особенно иррациональным.

При этом следует подчеркнуть – хотя это может очень не нравиться многим в Китае или России, – что лидер нынешней глобализации Соединенные Штаты позитивно выделяются на фоне той же Великобритании столетней давности. Они не пытаются военным образом колонизировать мир и, если и проводят в некоторых случаях агрессивную политику, не устанавливают нигде свой политический контроль и не эксплуатируют экономически те или иные территории (не говоря уже о том, что они не пытаются присоединять их или как-то иначе инкорпорировать в свой состав). При этом экономически США сегодня выглядят одной из наименее дисбалансированных систем: их хозяйственный рост устойчив и обусловлен развитием в основном внутреннего спроса; закредитованность экономики умеренна: с 2008 по 2017 г. долг корпоративного сектора вырос с 22,8 до 30,9 % ВВП, что соответствует приросту в 0,8 % ВВП в год (против 6,9 % ВВП ежегодно в случае Китая, где задолженность корпораций превышает на данный момент... 172 % ВВП)⁹; дефицит американской внешней торговли (или, по сути, незаработанные доходы) составил в 2017 г. 2,9 % ВВП (в то время как у России объем нефтегазового экспорта, по сути столь же незаработанные средства, достиг 12 % ВВП, а, к примеру, у Саудовской Аравии – 29,2 %) ¹⁰. Я не говорю о том, что Америка обеспечивает сегодня миру огромный (и бесплатный) технологический трансферт в самых разнообразных формах: от обучения сотен тысяч иностранных студентов и создания информационных технологий, которыми мир пользуется безвозмездно, до использования американских *know-how* многими компаниями периферийных стран – как легального, сопровождающего перенос производств, так и несанкционированного, масштабы которого растут. Соединенные Штаты к тому же выполняют роль крупнейшего в мире импортера, а доллар как глобальная валюта обеспечивает устойчивость мировой экономики ввиду своего неограниченного предложения (напомню, что одной из причин Великой депрессии было как раз отсутствие подобного источника денежной подпитки, обусловленное приверженностью ведущих стран золотому стандарту [James 2001: 72–74]). Эти об-

⁹ Данные по США (корпоративный долг, ВВП в текущих ценах) взяты с сайта *FRED Economic Research* (<https://fred.stlouisfed.org>); по КНР см.: [Ezrati 2018].

¹⁰ По США см.: [Wieseman 2008; Gross...]; по России: [Доходы... 2018]; по Саудовской Аравии: [Economy...].

стоятельства в полной мере проявились после завершения холодной войны: с середины 1980-х до конца 2010-х гг. глобальное богатство выросло (в номинальных долларах) более чем в 5,8 раза¹¹ (для того, чтобы показать такой же результат, в прошлом мировой экономике потребовался почти весь XIX век [DeLong 1998]), а число людей, живущих в нищете, сократилось с 1990 г. почти на 1,3 млрд человек, что соответствует темпу в 137 тыс. человек в день [Roser, Ortiz-Ospina 2017]. Современная глобализация при всех ее недостатках является наиболее инклюзивным типом экономического развития из всех, которые были известны истории, и попытки пустить ее под откос представляются крайне недальновидными и угрожающими не столько передовым странам, сколько тем, кто успешно включился в организованную ими гонку преследования.

Если сегодня оглянуться на развитие мировой экономики в прошедшем столетии, диссонанс экономических успехов и политических «достижений» кажется очевидным. Страны, которые на этапе формирования современного индустриального общества сумели – как Германия, Япония и Россия – найти рецепт самого быстрого экономического роста, но не смогли преодолеть соблазн превратиться из *emerging markets* в *emerging powers*, потратили десятилетия и пожертвовали миллионами жизней как своих, так и чужих граждан во имя достижения этой иллюзорной цели, придя в итоге к поражению в военном или политическом противостоянии и к хозяйственной катастрофе. Геополитические цели в XX в. были самым опасным врагом экономического процветания, а политическое доминирование над миром по сути исключало (рано или поздно) экономическое. Соединенные Штаты оказались единственной из великих держав, которые в прошлом столетии ни разу не воевали за расширение собственной территории; соответственно, никаких частей своей территории не теряли; реваншизмом не страдали, и скорее даже экономически выиграли от двух мировых войн, потому что вступили в них позже остальных великих держав, понесли меньшие потери и участвовали в этих конфликтах прежде всего экономически. История тех же Германии и Японии в послевоенный период также продемонстрировала, что в случае отказа от (гео)политических притязаний эти ранее экономически успешные страны смогли повторить свои истории успеха в неменьшем масштабе. Сегодня, когда экономическая глобализация по ряду причин требует политической составляющей гораздо меньше, чем сто лет тому назад, и когда экономический подъем новых игроков не вызывает практически никакой негативной политической реакции прежних (возвышение того же Китая при очевидном непротивлении западного мира – лучший тому пример), оправдать военно-политические «упражнения» выигравших от глобализации периферийных стран крайне сложно.

Если взглянуть на те же тренды под иным углом, окажется, что в условиях такой экономической глобализации, которая постоянно продуцирует реальные или воображаемые геополитические противоречия, в оптимальной позиции оказываются игроки, принципиально игнорирующие политическую составляющую. Такими, разумеется, могут быть самые мощные державы – просто потому, что большинство остальных крупные конфликты, в случае если они разразятся, так или иначе затронут. Экономическая мощь того или иного государства в условиях

¹¹ Рассчитано по: [The World...].

прогрессирующей хозяйственной глобализации используется по прямому назначению только в том случае, если она порождает у всех прочих стран боязнь втянуть такого гиганта в политические и военные конфликты. Это утверждение, вытекающее из всей истории XX столетия, представляется исключительно важным для адекватной оценки геополитической обстановки, формирующейся во все более взаимозависимом мире.

Сегодня становится общим местом, что в мире есть одна доминирующая держава, своего рода *indispensable nation*¹² – Соединенные Штаты [Bremmer 2015], которые стремятся к сохранению своего геополитического статуса, и две крупных «ревизионистских» страны – Китай и Россия [см., например: Levin 2007; Smith 2013 *etc.*]. Последние обладают несопоставимым экономическим весом, проделали на протяжении последних тридцати лет совершенно разный исторический путь и располагают отличными друг от друга инструментами влияния на обстановку в мире. Однако они, в лучших традициях геополитики, оппонируют США просто в силу того, что «статус доминирующей державы автоматически порождает в других странах желание ослабить ее позицию» [Киссинджер 2002: 287]. Как и в XX столетии, Соединенные Штаты, несомненно, не пойдут на обострение, которое могло бы перерасти в серьезный конфликт, если не столкнутся с прямой агрессией в своем отношении. При этом руководству и Китая, и России нужно понимать, что как экономический рост КНР, так и хозяйственное возрождение РФ вызваны исключительно повышательным трендом мировой экономики, который был задан однополярной глобализацией, подталкиваемой Америкой: именно американский спрос и американские инвестиции в 1990-е гг. запустили «китайское экономическое чудо»; именно формирование нового центра индустриального производства в Китае подтолкнуло спрос на ресурсы, а с ним и цены, обеспечившие в следующем десятилетии бум в российской экономике. Деглобализация, если она произойдет (а тем более если она случится по силовому сценарию), не принесет выгод никому. Китай в начале XXI в. находится на исторической развилке, которую в категориях конца XIX в. можно описать как выбор между «германским» и «американским» поведением по отношению к Англии: с одной стороны, можно пойти на резкую конфронтацию с номером один со всеми вытекающими последствиями, с другой – продолжить успешную экономическую модернизацию и обогнать лидера по мере того, как он растеряет свой динамизм, ввязавшись в выяснение отношений с другими соперниками или столкнувшись с внутренними ограничителями развития. Опыт XX столетия, на мой взгляд, однозначно свидетельствует о том, какой путь предпочтительнее. Россия, если проводить аналогию с миром столетней давности, сегодня больше всего похожа на Австро-Венгрию: лоскутную молодящуюся империю, не способную похвастаться серьезными экономическими достижениями, но в определенной мере являющуюся даже более ревизионистской, чем ее могущественный северный союзник. Итоги первой деглобализации для Австро-Венгрии хорошо известны: она не смогла сохраниться как единая страна, а ее территория оказалась разменной монетой на следующих этапах больших геополитических игр. Так или иначе, ничто не говорит о возможности успешного исхода во фронтальном столкновении с лидером.

¹² Незаменимая нация (англ.).

* * *

Всем известно, что история не имеет сослагательного наклонения, что каждый ее виток характеризуется новыми особенностями и что люди не склонны усваивать ее уроки. Однако мне кажется, сегодня сложилась ситуация, когда пришла пора совершенно иначе взглянуть на вызовы, с которыми сталкивается мир. Глобализация через слом экономических барьеров и даже в некоторых случаях политических границ освободила хозяйственный потенциал десятков стран и народов, воплотившийся в невиданном ранее процветании. Экономические, а не политические драйверы сегодня ведут мир вперед, а политики в лучшем случае успевают к ним приспосабливаться. За последние полвека созданы практически совершенные механизмы противостояния кризисам и финансовым потрясениям, которые оказывают – и это подтверждается любой статистикой – все меньшее влияние на реальный уровень жизни людей. При этом глобализация не является процессом, которому нет альтернативы: любая страна может закрыться от нее, и такой шаг создаст проблемы лишь для нее самой, но никак не для большинства прочих. Никакая (гео)политическая задача не может оправдать попыток деглобализации в условиях, когда политический суверенитет и территориальная целостность ни одного крупного игрока не подвергаются сомнению и угрозам. Глобализацию, ставшую продуктом самого страшного в истории человечества столетия и являющуюся главным залогом его процветания, нужно научиться ценить, не пытаясь принести благополучие миллионов людей в жертву амбициям отдельных эгоистичных лидеров.

Литература

Белл Д. Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии» // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 13–25.

Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007.

Доходы РФ от экспорта нефти в 2017 году выросли на 26,6 %, газа – на 22 % [Электронный ресурс] : Россия сегодня. 2018. 7 февраля. URL: https://lprime.ru/state_regulation/20180207/828427682.html (дата обращения: 10.11.2018).

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М. : Ладомир, 2002.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 27. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969. С. 385–395.

Полный текст интервью президента В. Путина трем российским телеканалам [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2011. 17 октября. URL: <https://ria.ru/politics/20111017/462204254.html> (дата обращения: 08.11.2018).

Amadeo K. US GDP by Year Compared to Recessions and Events. The Strange Ups and Downs of the U.S. Economy Since 1929 [Электронный ресурс] : The Balance. 2019. March 28. URL: <https://www.thebalance.com/us-gdp-by-year-3305543>.

Amazon Stock Price. Market Watch: [сайт]. URL: <https://www.marketwatch.com/investing/stock/amzn> (дата обращения: 10.11.2018).

Baldwin R., Martine Ph. Two Waves of Globalization: Superficial Similarities. Fundamental Differences. NBER Working Paper 6904. Cambridge, MA, 1999.

Bremmer I. These are the 5 Reasons Why U.S. Remains the World's Only Superpower [Электронный ресурс] : Time. 2015. May 28. URL: <http://time.com/3899972/us-super-power-status-military/> (дата обращения: 08.11.2018).

Buckley Ch., Bradsher K. China Moves to Let Xi Stay in Power by Abolishing Term Limit [Электронный ресурс] : The New Times. 2018. February 25. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/25/world/asia/china-xi-jinping.html> (дата обращения: 06.11.2018).

Canto V. U.S. Trade Policy: History and Evidence // Cato Journal. 1983–1984. Vol. 3. No. 3. Pp. 679–696.

China: Export of Goods from 2007 to 2017 (in Billion U.S. Dollars) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/263661/export-of-goods-from-china/> (дата обращения: 10.11.2018).

China GDP. Trading Economics: [сайт]. URL: <https://tradingeconomics.com/china/gdp> (дата обращения: 01.11.2018).

Chomsky N. Profit Over People. Neoliberalism and Global Order. New York : Seven Stories Press, 1999.

DataBank. Explore. Create. Share: Development Data. The World Bank: [сайт]. URL: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx> (дата обращения: 01.11.2018).

DeLong B. Estimating the World's GDP, from One Million B.C. to the Present [Электронный ресурс] : Holtz for Congress. 1998. May 24. URL: <http://holtz.org/Library/Social%20Science/Economics/Estimating%20World%20GDP%20by%20DeLong/Estimating%20World%20GDP.htm> (дата обращения: 08.11.2018).

Dobson J. Two Centuries of Tariffs: The Background and Emergence of the U.S. International Trade Commission. Washington, DC : Government Printing Office, 1976.

Economic Sanctions / ed. by M. Malloy. Vols 1–2. Cheltenham (UK); Northampton, MA : Edward Elgar, 2015.

Economy of Saudi Arabia [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Saudi_Arabia (дата обращения: 10.11.2018).

Exports of Goods and Services (% of GDP). The World Bank: [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS> (дата обращения: 08.11.2018).

Ezrati M. China, the Wobbly Economic Giant [Электронный ресурс] : City Journal. 2018. July 26. URL: <https://www.city-journal.org/html/chinese-economy-16075.html> (дата обращения: 10.11.2018).

Firebaugh G. The New Geography of Global Income Inequality. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 2003.

Frank A. G. ReOrienting the 19th Century. London; New York : Routledge, 2015. Pp. 34–37.

Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16. Summer. Pp. 3–18.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London; New York : Penguin, 1992.

Full Text: Xi Jinping's Keynote Speech at the World Economic Forum in Davos, January 17th, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/node_7247529/content_40569136.htm (дата обращения: 01.11.2018).

GDP (current US\$) 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 10.11.2018).

Ghemawat P. Globalization in the Age of Trump // Harvard Business Review. 2017. July – August. Pp. 18–23.

Gross Domestic Product (GDP). FRED Economic Research: [сайт]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/GDP> (дата обращения: 10.11.2018).

Hobson J. Imperialism: A Study. New York : James Pott & Co., 1902.

Hoganson K. American Empire at the Turn of the Twentieth Century. New York : St. Martin's Press, 2016.

Holmes J., Yoshihara T. Standing Up to China Is Not “Extremism” – It’s Smart Foreign Policy [Электронный ресурс] : The National Interest. 2017. January 29. URL: <https://nationalinterest.org/feature/standing-china-not-extremism%E2%80%94its-smart-foreign-policy-19228> (дата обращения: 09.11.2018).

Inosemzew W., Lebedew A. Der Dritte Kolonialismus // Le Monde Diplomatique Deutschland. 2016. November.

International Trade Statistic. 1900–1960. May 1962 [Электронный ресурс]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/imts/Historical%20data%201900-1960.pdf> (дата обращения: 01.11.2018).

James H. The End of Globalization. Lessons from the Great Depression. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 2001.

Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. New York : Alfred A. Knopf, 2008.

Kinzer S. The True Flag: Theodore Roosevelt, Mark Twain, and the Birth of American Empire. New York : Henry Holt & Co., 2017.

Klein N. The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. New York : Picador, 2008.

Latouche S. The Westernization of the World. Cambridge : Polity, 1996.

Laue Th. H. von. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. Oxford; New York : Oxford University Press, 1987.

Levin M. The Next Great Clash: China and Russia vs the United States. Westport, CT : Praeger Publishers, 2007.

List of Countries by GDP (nominal) 2019 [Электронный ресурс]. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(nominal\)](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(nominal)) (дата обращения: 10.11.2018).

Luttwak E. The Rise of China vs The Logic of Strategy. Cambridge, MA; London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2012.

Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD: Essays in Macro-Economic History. Oxford; New York : Oxford University Press, 2007.

Major Foreign Holders of Treasury Securities (in Billions of Dollars) 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://ticdata.treasury.gov/Publish/mfhhis01.txt> (дата обращения: 10.11.2018).

Mead W. R. In the Footsteps of the Kaiser: China Boosts US Power in Asia [Электронный ресурс] : The National Interest. 2010. September 26. URL: <https://www.the-american-interest.com/2010/09/26/in-the-footsteps-of-the-kaiser-china-boosts-us-power-in-asia/> (дата обращения: 10.11.2018).

Milanovic B. Worlds Apart: Measuring International and Global Inequality. Princeton (NJ); Oxford : Princeton University Press, 2005.

Nugent W. Crossings. The Great Transatlantic Migrations, 1970–1914. Bloomington, IN; Indianapolis : Indiana University Press, 1992.

Nye J. S. Jr. 1914 Revisited? [Электронный ресурс] : Project Syndicate. 2014. January 13. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/joseph-s--nye-asks-whether-war-between-china-and-the-us-is-as-inevitable-as-many-believe-world-war-i-to-have-been> (дата обращения: 10.11.2018).

Ranking of the World's Richest Countries by GDP. 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://en.classora.com/reports/t24369/ranking-of-the-worlds-richest-countries-by-gdp?id=243&groupCount=50&startIndex=1&version=1996> (дата обращения: 10.11.2018).

Robertson R. The Three Waves of Globalization. A History of a Developing Global Consciousness. Nova Scotia; London; New York : Fernwood Publishing & Zed Books, 2003. Pp. 18–26.

Roser M., Ortiz-Ospina E. Global Extreme Poverty [Электронный ресурс] : Our World in Data. 2017. March 27. URL: <https://ourworldindata.org/extreme-poverty> (дата обращения: 08.11.2018).

Salam R. Melting Pot or Civil War. New York : Sentinel Press, 2018.

Smith M. Power in the Changing Global Order: The US, Russia and China. Cambridge; Malden, MA : Polity, 2013.

S&P500 Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investing.com/indices/us-spx-500-historical-data> (дата обращения: 10.11.2018).

S&P/Case-Shiller U.S. National Home Price Index (CSUSHPINSA) 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/CSUSHPINSA> (дата обращения: 01.11.2018).

Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. New York; London : W.W. Norton & Co., 2002.

Tariff Rate, Applied, Simple Mean, All Products (%) – Country Ranking [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/TM.TAX.MRCH.SM.AR.ZS/rankings> (дата обращения: 10.11.2018).

The World Factbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html> (дата обращения: 08.11.2018).

Turkey Referendum Grants President Erdogan Sweeping New Powers [Электронный ресурс] : BBC News. 2017. April 16. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-39617700> (дата обращения: 06.11.2018).

Watts J., Wearden G. PetroChina Makes its Debut as World's First Trillion-Dollar Firm [Электронный ресурс] : The Guardian. 2007. November 6. URL: <https://www.theguardian.com/business/2007/nov/06/china> (дата обращения: 10.11.2018).

Weir F. Will Putin's Fifth Term Herald a New Political Agenda for Russia? [Электронный ресурс]. URL: <https://thewire.in/world-will-putins-fifth-term-herald-a-new-political-agenda-for-russia> (дата обращения: 06.11.2018).

Wieseman P. U.S. Trade Gap Hits \$566 Billion in 2017, Highest Since 2008 [Электронный ресурс] : USA Today. February 6. URL: <https://www.usatoday.com/story/money/economy/2018/02/06/economy-u-s-trade-gap-hits-566-billion-2017-highest-since-2008/310369002/>.